

**Сергей
Тамбовский**

4

МИРОТВОРЕЦ

Сергей Тамбовский

Миротворец-4

«Автор»

2026

Тамбовский С.

Миротворец-4 / С. Тамбовский — «Автор», 2026

Царь Александр III, благополучно избегнув смерти от болезни в 1894 году, не сумел уберечься от бомбы террориста в 1899. Его дело продолжает наследник Георгий I, и на горизонте маячит русско-японская война.

© Тамбовский С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Тамбовский

Миротворец-4

Миротворец-4

Сон Георгия Александровича

- Смотри ты, - заметил он, взяв кстати вслед за подружкой ароматный папанаша, под этим именем прятались всего-навсего пончики с творожной начинкой, - боши уже начали всю хозяйничать в Эльзасе и Фландрии...

- Я была недавно в Антверпене, - оторвалась от гогоша Матильда, - там очень дешевые бриллианты, их продают прямо из оградочных мастерских по себестоимости.

- Я думаю, немцы не будут резать курицу несущую золотые... ну то есть бриллиантовые яйца, - заметил Георгий, перелистывая Фигаро, - и продажи и дальше будут по заводской цене. А поляки в Варшаве и Кракове опять бунтуют... нет, все-таки вовремя мы скинули с себя эту обузу. В Варшаве ты когда была в последний раз, дорогуша?

- Дай вспомнить... - наморщила она лоб, - в прошлом году, кажется... хотя нет, там же революция была в прошлом году, в позапрошлом, значит. В Спящей красавице солировала вместе с Нижинским.

- Понятно... - Георгий взял английский таблоид и начал штудировать его, - а в Южной Африке ты никогда не была, Мати?

- Нет, дорогой, - она уже доела гогошу, тоже пончики, но с фруктовой начинкой, и принялась за сфинцишори, - там живут дикие мужланы, как уж их... буры что ли... им до искусства балета надо пройти примерно такое же расстояние, как до Луны.

- А там, между прочим, очень любопытные дела намечаются, - пропустил ее сентенцию мимо ушей Георгий, - эти мужланы буры таки нагнули гордых британцев и провели демаркационную линию примерно там, где хотел... с небольшими отклонениями к северу, Дурбан на их территории остался.

- Ты же где-то там геройствовал, Жорж, - вспомнила наконец балерина.

- Не так, чтобы уж геройствовал, но некоторые приключения были, да... - согласился он, - надо бы съездить как-нибудь, посмотреть, как там у них дела. А в Корее мы отвели свои войска с 38 параллели, все вопросы я японцами остались в прошлом – у них юг, у нас север.

- Вот на Дальний Восток я бы с удовольствием съездила, - призналась Кшесинская, - у них очень самобытная культура, опять же пекинская опера и японский театр кабуки, так он, кажется, называется... то, что показывали в Петербурге, это бледная копия какая-то, хотелось бы посмотреть на оригинал.

Георгий дошел до середины газеты и начал зачитывать аналитическую статью о большой европейской политике.

- Как получилось, - писала Дейли телеграф, - наибольшие выгоды в глобальном европейском конфликте последних лет получили Россия и Греция. Они полностью обнулили турецкие владения на левом берегу Босфора и сумели добиться нейтрального статуса обоих проливов. Кроме того, Россия утвердилась на острове Рюген, а Греция сумела отвоевать назад острова Крит и Кипр. И это практически без особенных затрат и военных потерь, что вызывает особенное удивление. Германия в тяжелой и напряженной борьбе сумела одолеть французов и получила в награду Эльзас с Лотарингией и половину Бельгии. Британия же сумела выйти сухой из воды, невзирая на существенные потери в северной Франции.

- Ты не мог бы это про себя прочитать? – сделала круглые глаза Матильда, - меня тошнит от такого официоза.

- Хорошо, буду читать про себя, - вздохнул Георгий и замолчал, перевернув очередную страницу британского таблоида.

Он дочитал статью до конца молча, сложил газету и посмотрел на дату ее выпуска – там значилось 31 августа 1918 года. Георгий выглянул в окно – там чертили прямые линии в небе истребители ВВС России, а где-то вдаль на морском побережье просматривался контур первого российского авианосца, названного в честь Георгия Победоносца.

Но тут где-то рядом зазвенел будильник, Георгий проснулся, нажал на кнопку, прекращающую звон, и потряс головой, вспоминая удивительно реальный сон... железной же дороги до Стамбула у нас пока не имеется, подумал он, и при чем тут балерина Кшесинская? И что значит эта дата 25 октября 1917 года... Георгий вдруг что-то припомнил, поднялся и открыл записки отца – на одной из последних страниц он нашел, что означает эта дата. Но до нее еще далековато, со вздохом продолжил он свои размышления, до 17 года еще дожить надо, а пока у меня на повестке дня бракосочетание с испанской принцессой. А за окном занималась заря нового дня, 25 октября 1899 года...

Прошло 5 лет

И на дворе стоит весна 1904 года от Рождества Христова. Что произошло за эти пять лет, спросите вы, в стране и в мире, а вам отвечу – много чего. А если поконкретнее, то слушайте и не говорите потом, что не слышали.

Царь и великий князь всея Руси Александр III скончался год назад, пролежав в коме добрых три года. На его место практически сразу заступил Георгий Александрович, нареченный Георгием I, до сих пор в России государей с таким именем не было. Его бракосочетание с испанской принцессой Марией Мерседес случилось еще до наступления нового века и прошло без малейших осложнений. Через год у венценосной пары родилась девочка, нареченная Ксенией, а через два года и долгожданный сын Иван, которому Георгий предрек царствование до конца 20 века под именем Иван 5й. Никаких врожденных болезней ни у Ксюши, ни у Вани обнаружено не было.

Что же касается внешней и внутренней политики Российской империи, то тут дела обстояли следующим образом. Начнем с внутренних проблем... губернатор Саратовской губернии Петр Аркадьевич Столыпин был благополучно перемещен на должность премьер-министра и начал свои реформы не после, а вместо первой революции на Руси, не случилось такого в обновленной истории. К расслоению общины и переселенческой политике ему сверху было указано еще поработать с образованием новых промышленных предприятий от Финляндии и до самого Владивостока. Получилось, как это водится у нас, не очень гладко и не с первого раза, но что-то с места сдвинулось.

Теперь про национальные окраины... Польское царство, как это и было оговорено в Ялтинском соглашении трех держав, было поделено между Пруссией и Австро-Венгрией. Примерно пополам, Варшава досталась Пруссии, а Лодзь с ее мануфактурами австрийцам. Взамен Россия получила Галицию от Ровно и до Ужгорода, включая старинный Лемберг, он же Львов. Плюс весь остров Рюген на Балтике. Плюс денежную компенсацию в сто миллионов золотых рублей от обеих центральных держав. Финляндия получила некоторые послабления в региональном управлении и успокоилась, а среднеазиатские территории организовали целых два полноценных восстания против русских властей, которые были быстро и жестко подавлены.

Медицина и образование шагали дружно в ногу, благодаря чему за пять лет смертность среди младенцев снизилась втрое, средняя продолжительность жизни повысилась на четверть, а средний образовательный уровень населения изменился с двух классов церковно-приходской школы до трех с половиной. Но проблема сокращения посевной площади на одного едока продолжала оставаться предельно острой – сельское население увеличивалось, в том числе и благодаря медицинскому обслуживанию, а земельные площади оставались неизменными. Был вариант перераспределения этих участков от государства и помещиков, но радикально он

ничего бы не поменял. Выход был только в сокращении крестьянства, как класса, но и здесь имелись свои подводные камни.

Промышленность и железные дороги... здесь все обстояло куда как лучше – мануфактуры, заводы и мастерские возникали в разных уголках России, как грибы после дождя, не в последнюю очередь благодаря налоговой политике государства – новым предприятиям убрали большинство налогов в первые два года существования. Железнодорожное строительство было взято под особый контроль государством, в связи с чем новые ветки проходили спецконтроль перед началом работ. Поэтому дублеры существующих магистралей и не очень важные направления пресекались в самом начале работ. Но зато то, что было необходимо государству, всячески поддерживалось.

Теперь про армию, военную промышленность и внешнюю политику, тесно связанную с этими вопросами. Авиапромышленность развивалась семимильными темпами – в текущем 1904 году уже начался выпуск цельнометаллических летательных средств грузоподъемностью до двух тонн. В гражданском варианте их называли Добрынями и перевозить они могли до тридцати пассажиров на расстояние в тысячу километров, а военные образцы брали на борт эти самые две тонны бомб или тех же тридцать парашютистов. Ранцевый парашют, складывающийся в заплечный мешок, изобрел Глеб Котельников на десять лет раньше, чем в реальной истории.

Истребители же смогли достичь скорости триста км/час, а высота полета у них уже превысила пять километров. Естественно, что секреты производства в нашем мире долго никто сохранить не смог бы, поэтому примерно тем же, но с некоторым запозданием занялись Британия, Франция, Германия и Соединенные Штаты. Кое-что корпорация Мамонтов и Ко даже продала другим странам, но всею основное, конечно, утекло по нелегальным каналам.

Что же касается бронетанковой техники, то тут дела обстояли несколько скромнее, полноценный агрегат, сочетающий в себе проходимость в экстремальных условиях и боевые качества в виде пушки и пулеметов, получился не слишком качественным. Компромисс между броней и скоростью налаживался с большим трудом. Лучшее, что выдали заводы Морозова, был некий аналог американского танка Кристи, который в реале произвели бы американские заводы в конце двадцатых годов. Но если не углубляться в тонкости, то и Пересвет, так называли то, что выпустилось в Иваново-Вознесенске в начале века, был вполне себе пригоден к боевым действиям не в очень напряженных конфликтах.

Автомобили... вот с чем, с чем, а с колесной техникой в России дела обстояли гораздо лучшим образом, чем с танками, и даже, чем с самолетами. Самобеглые коляски, быстро переименованные в автоповозки, начали производиться одновременно в шести точках страны, география тут простиралась от Риги и до Владивостока... да-да, в Приморье тоже начали собирать машины, ориентируясь на концерн Дженерал моторс – удалось договориться с их хозяевами насчет открытия филиала в Находке. В Риге же и в Одессе хозяйничали целиком и полностью европейские производители, Даймлер-Бенц и Рено. Отечественные умельцы внесли в конструкции первых российских авто немало своего, в частности масляные амортизаторы взамен пружинных впервые применили в Риге. Оставались проблемы с извечной российской проблемой, с дорогами, но и тут некоторые сдвиги проявились уже в начале века, например, асфальтовую трассу Петербург-Москва параллельно железнодорожной сумели запустить к 1903 году... теперь путешествие их одной русской столицы в другую сократилось до половины суток.

смип

Тракторы, сеялки, комбайны и прочую сельскохозяйственную технику успешно освоили как минимум в шести губерниях России, особенно удачным вышел опыт ростовчан... завод по личному распоряжению Георгия I называли Ростсельмаш. Благодаря такой малой механизации сельскохозяйственного труда урожайность зерновых подскочила за эти годы практически вдвое, но проблема перенаселенности русской деревни все же оставалась открытой.

И о внешней политике... восстание боксеров в Китае было успешно подавлено, спокойствие и мир на этой земле воцарилось на долгие годы. Императрица Цыси отошла от дел, передав бразды правления своему приемному сыну Цзайтяню, потому что родной сын Цзайчунь совсем уж не годился в правители. Железнодорожная ветка КВЖД осталась в полном и безоговорочном владении российской стороной. Хунхузы, конечно, никуда не делись, но их распространение в Манчжурии обрело некие рамки, признаваемые всеми сторонами конфликта... на крупные города и станции они больше не зарились, а по мелочи шалили, что пресекалось по мере возможности российскими охранными войсками, взаимодействующими, опять же по мере возможности, с китайскими властями.

Железнодорожная ветка Харбин-Пекин вошла в строй в прошлом году, по ней началось достаточно регулярное движение составов, из Китая везли уникальные для Дальнего Востока вещи типа шелка, фарфора и чая, а в обратном направлении в основном станки и механические приспособления – Китай активно вступал в фазу промышленной революции.

С Японией отношения характеризовались приблизительно, как холодный мир – революция Мейдзи там началась на полвека раньше, чем в Китае, поэтому самураи считали себя самой толстой лягушкой в дальневосточном болоте, и вели себя, мягко говоря, вызывающе. С Россией худо-бедно договорились насчет Ляодунского полуострова, он теперь находился в совместном пользовании двух стран, Порт-Артур (который успешно переименовали в Порт-Михаил в честь Кутузова) отошел к России, а Дальний-Далянь отошел к японцам.

Но на море отдельные недоразумения между этими двумя странами возникали регулярно, опять же вопрос Курильских островов всплывал не менее часто – японцы претендовали минимум на южную их половину, а как максимум, и на все Курилы. Переговоры по этим вопросам проходили в нейтральном Сингапуре, но ни к чему реальному не привели.

Теперь про Британию... которая славилась и на морях... пик могущества этой империи был уже в прошлом, хотя и не в очень далеком – где-то десять-двадцать лет назад. Однако, британский лев был еще достаточно силен, чтобы огрызнуться на любое покушение на его власть. В Южной Африке посредничество России помогло бурам отстоять свою юридическую независимость, граница между колониями прошла аккуратно по Оранжевой реке, захватив в орбиту буров порт Дурбан. Но де-факто, к сожалению для многих, англичане постепенно размывали границы между республиками методами мягкой силы – заходами в капитал бурских компаний, привлечением молодежи в образовательные учреждения своей метрополии и тому подобными вещами. Поэтому любому непредвзятому наблюдателю было ясно, что вхождение Оранжевой и Трансвааля в состав Южно-Африканских земель Британии это вопрос времени.

В Индии медленно, но верно разгоралась освободительная борьба от колонизаторов во главе с Махатмой Ганди. Хотя его учение и предполагало в основном ненасильственные методы борьбы, жизнь, как это водится, внесла в него свои коррективы. А Россия исправно подбрасывала угольков в этот тлеющий костерчик в виде оружия и боеприпасов – снабжение велось через Памир, Гиндукушский переход и Кашмир. Так что у англичан головная боль от индийских событий присутствовала в непрерывном режиме.

Германия и Австро-Венгрия – тут все более-менее сохраняло свой статус-кво из предыдущего века. Франц-Фердинанд сумел как-то обуздать освободительные порывы окраин своей лоскутной империи, поэтому чехи, словаки, поляки, галицийцы, румыны и южные славяне утихомирились, и весь их накопившийся протест ушел в паровозные свистки фельетонов в центральных газетах. А Ярославу Гашеку на 1904 год было всего 21 год, и работал он в маленьком пражском банке, не помышляя ни о чем большем. Германия же представляла собой быстро растущего хищника мирового рынка, который считал себя обделенным при распиле пирога колоний – это было трудно игнорировать другим ведущим державам. России было ни жарко, ни холодно от немецких требований по Африке и Азии, но англичанам и французам понадобилось немало усилий, дабы обуздать растущие аппетиты бошей.

Но опять же худо-бедно войны тут пока удалось избежать, а Россия заняла в этих разборках место умной обезьяны из китайской поговорки... наблюдающей за тем, как дерутся два тигра в лощине реки. И о Соединенных Штатах... эта страна уверенно росла и ширилась, немного споткнувшись, правда, на войне с Испанией. Тут испанцам сильно помогли россияне, поэтому и Куба, и Филиппины остались в их орбите влияния. Руководящие круги Америки затаили с тех пор недоброе по отношению к России, но реализовать свои недобрые намерения у них пока не имелось возможности. За отсутствием крупных конфликтов... но российские власти прекрасно понимали, что в случае чего американцы могут подбросить им немало палок в колеса. Поэтому здесь так же, как и с Японией, имел место холодный мир с вежливыми улыбками при встречах и волчьим оскалом в промежутках встреч.

Что осталось... Османская империя осталась... это на 1904 год был совсем уже дряхлый лев, даже и не лев, а так, манул какой-то облезлый. В Европе она потеряла почти все владения, кроме Фракии и Адрианополя, в Африке ее вытеснила из Ливии Италия (дальше уже падать было некуда, если тебя побеждают итальянцы), а в Азии ее владения хотя и оставались достаточно приличными, но контроль за ними ухудшался с каждым днем. Кроме того, совершенно непонятное противостояние с армянами вызывало определенные вопросы со стороны других европейских стран. Геноцид армян начался совсем даже не во время Первой мировой войны, а гораздо раньше, в конце 19 века – так называемая гамидовская резня унесло по самым скромным подсчетам от ста до двухсот тысяч армянских жизней. Напрямую вмешиваться во внутренние дела великой, пока еще великой, державы прочие государства не стали, но это черное пятно уже повисло над репутацией османов.

Всем и вся было понятно, что Османская империя доживает последние дни, но по вопросам урегулирования этого кризиса мнения были явно неоднозначные – этот вопрос был одной из главных головных болей нового российского императора.

Таким образом, к началу 1904 года основными болевыми точками международной политики оставались Османская империя и Дальний Восток, где соперничали очень многие режиссеры мировой политики, если так можно выразиться...

Петербург, Зимний дворец, февраль 1904 года

Свежеиспеченный российский государь-император Георгий I с утра пребывал в дурном настроении. Мало того, что заныла застарелая рана, полученная в Южной Африке, так еще и супруга Мария устроила истерику прямо с раннего утра – ей все, видите ли, не нравилось в России, а особенно длинные и холодные ночи.

- Успокойся, дорогая, - только и смог сказать ей Георгий, - климат той части света, где расположена Россия, мы поменять никак не сможем, остается только смириться и принять его. Выпей валерьянки, должно помочь.

Мария этими словами явно не успокоилась, но и приставать к своему супругу перестала, уединившись в правом крыле Зимнего дворца, а Георгий созвонился со своими единоутробными братьями и назначил совещание на вторую половину дня. Оба брата прибыли точно в соответствии с договоренностями в Белый зал, оформленный живописцем Брюлловым к бракосочетанию Александра II.

- Можно было и поскромнее помещение выбрать, - в сердцах сказал Михаил, осмотрев необъятные просторы Белого зала, где скульптуры богов Олимпа соседствовали с гобеленами времен Возрождения и барельефами Дылева и Германа.

- Извини, брат, - буркнул Георгий, - другого места не нашлось... давайте лучше о делах поговорим.

- Давайте, - согласился Николай, усаживаясь за резной стол из ценных пород дерева, - я готов.

- Закуривайте, братья, - Георгий достал из шкафчика шкатулку, в которой лежали гаванские сигары, - вчера только привезли, прямиком из Гаваны.

И когда все дружно закурили, выпустив столбы дыма к потолку, император продолжил.

- Я про японцев хотел поговорить, друзья мои, - так начал он свою речь, - их поведение в последнее время становится невыносимым. Дошло уже до того, что они мешают выходу наших кораблей с рейдов Владивостока и Порт-Артура.

- Да, я тоже слышал про это, - осторожно заметил Николай, - дипломаты что говорят?

- А то ты сам не знаешь... японцы же мастера делать хорошую мину при плохой игре, улыбаются и кланяются, вот и все, что видят дипломаты.

- Их, кажется, серьезно поддерживают англичане? – поинтересовался Михаил.

- Более чем серьезно, - отвечал Георгий, - военной техникой не в последнюю очередь. Американцы тоже не отстают... сейчас в составе японских ВМФ восемь новейших броненосцев и двенадцать не менее новых крейсеров, все из Англии и Америки.

- Думаешь, дойдет дело до открытого противостояния? – спросил Николай.

- Не думаю, а уверен, - твердо сказал Георгий, - причем на горизонте года, если не меньше. Поэтому нам надо бы подготовиться к самому худшему...

- А какие вообще претензии у японцев к нам, не напомнишь? – попросил Михаил.

- Мы им сильно мешаем в Китае, раз, - начал загибать пальцы Георгий, - Манчжурия и все прилегающие к ней территории они как бы считают своими. Потом в Корее мы не слишком корректно разошлись, 38 параллель, где у нас проходит линия разграничения, расположена немного южнее, чем хотелось бы императору. Ну и наконец, Ляодунский полуостров, там им не нравится, что мы заняли более удобную бухту в Порт-Артуре против менее удобной стоянки в Даляне.

юьтпр

- А дипломатическими методами эти разногласия можно как-то снять? – поинтересовался Николай, - у нас прекрасная школа дипломатов, вспомнить только Горчакова.

- Пробовали, брат, - тяжело вздохнул Георгий, - к сожалению, японцы только вежливо улыбаются и ничего снимать не хотят... ну ты не хуже меня знаешь эти восточные премудрости – там ценится грубая сила в первую очередь. А все остальное во вторую очередь.

- То есть ты считаешь, что столкновение неизбежно? – продолжил Николай.

- То есть да, считаю, - скромно кивнул Георгий, - причем очень скоро. Конкретно на сегодняшний день на рейде города Чемульпо...

- Как-как ты сказал? – перебил его Михаил.

- Чемульпо... по-другому Инчхон, это город и порт где-то посередине Кореи, на берегу Желтого моря, там сейчас базируются два наших корабля – крейсер Варяг и канонерка Кореец.

- А почему это море называется Желтым? – неожиданно свернул в сторону Михаил.

- Могу рассказать, - вздохнул Георгий, - так его называли китайцы за цвет воды, море мелкое и песка со дна поднимается предостаточно... а так-то оригинальное его название Хуанхэй, что переводится, как Желтое море.

- Почти, как китайская река, - напомнил Николай.

- Ну да, - согласился Георгий, - только там Хуанхэ, что и означает Желтая река, а тут море. Но это мы отвлеклись... так вот, по самым последним сведениям из нашего посольства в Сеуле, к этому городу и порту Чемульпо сейчас подтягиваются превосходящие силы адмирала Того.

- Того-Того... - пробормотал Михаил, - он, кажется, участвовал в коалиции против восстания боксеров, я не ошибаюсь?

- Не ошибаешься, брат, - улыбнулся Георгий, - и я даже с ним беседовал как-то раз. Он хотел получить доступ к нашим новейшим технологиям, по авиа и танкостроению, но в тот

раз у него ничего не вышло. Как сейчас, не знаю – может и получил чего-нибудь. Но человек это очень серьезный, очень...

- Твои предложения, брат? – совершенно искренне поинтересовался Михаил.

- Кому-то из нас надлежит отбыть на Дальний Восток и координировать наши действия, находясь непосредственно в гуще событий, - сообщил Георгий, поглядев по очереди на своих братьев.

Те поежились некоторое время и, наконец, Михаил сообщил свое решение.

- Я готов... хоть сегодня – только полномочия мне выдай соответствующие, брат...

- За этим дело не станет, - совершенно серьезно отвечал ему Георгий, - все получишь в полном соответствии с серьезностью проблемы... денежное довольствие в том числе. Можешь, кстати, отправиться туда по воздуху, на Добрыне, заодно и обкатаешь новое средство передвижения.

Чемульпо, оно же Инчхон

В двадцатом веке это будет третий по величине город Южной Кореи, следом за Сеулом и Пусаном, а пока очень небольшая деревня на берегу очень удобной глубоководной бухты, защищающей суда и корабли от штормов и ураганов. Михаил добрался до места назначения, определенного ему новоиспеченным российским императором за двое суток, в которые входили ночевки в Омске и Иркутске. Но все равно это оказалось гораздо быстрее, чем по Транссибу, там пришлось бы ехать все десять дней.

Встречал Михаила на аэродроме близ города Чемульпо командующий эскадрой контр-адмирал Руднев.

- Как добрались, ваше высочество? – спросил он, когда Михаил спустился по трапу из чрева Добрыни.

- Все хорошо, Всеволод Федорович, - ответил он, - немного поболтало, конечно, но, думаю, что на море болтает много больше.

- Это вы абсолютно правы, Михаил Александрович, - согласился Руднев, - морская болезнь это страшная штука – по статистике ей подвержены три четверти взрослого населения планеты. Проедем в штаб? – предложил он, указав на самобеглую коляску, остановившуюся на краю аэродрома.

- Конечно, проедем, - белозубо улыбнулся Михаил, и они вместе с шофером явно азиатской внешности пропрыгали по ухабам и колдобинам корейского города куда-то близ морского порта.

Не доезжая до конца пути, Михаил попросил остановить экипаж возле моря, после чего спросил.

- Это же ведь Варяг и Кореец, верно?

- Так точно, ваше высочество, - вышел из машины следом Руднев, - побольше Варяг, поменьше Кореец.

- А рядом с ними что за корабли?

- Слева английский Талбот, справа немецкий Мольтке и французский Паскаль... они тут с теми же целями, что и мы, с дипломатическими – контролировать соблюдение договоренностей с японцами.

- И что с контролем? – поинтересовался Михаил, - идет успешно?

- В последнее время нет, ваше высочество, честно скажу, - признался адмирал, - японцы наглеют прямо на глазах... вчера и позавчера, например, мимо этой бухты проходила эскадра Уриу, если слышали про такого...

- Как же, - отвечал Михаил, - газеты иногда читаю... заместитель адмирала Того... а какие силы в его эскадре числятся?

- Сейчас расскажу, - продолжил Руднев, пригласив принца в небольшой ресторанчик под названием Кукбингван, - только закажем что-нибудь...

- Никогда не пробовал корейскую кухню, - признался Михаил, - посоветуйте, что тут обычно заказывают.

- С удовольствием, ваше высочество, - адмирал подозвал официанта и бегло продиктовал ему заказ, а потом перевел все это на русский, - чичгэ, это острый такой суп с соевым соусом, потом второе блюдо, куксу – лапша с мясом и овощами, тоже острая, ну и на десерт юджа, фруктовый чай. У вас с желудком проблем нет?

- Все хорошо, - успокоил его Михаил, - родители наградили хорошим здоровьем. Давайте попробуем ваши чичгэ с юджой. Так что там с японцами, расскажите, наконец.

- Им очень не нравится наше присутствие на севере Кореи, ваше высочество, - начал обрисовывать ситуацию Руднев, - по мнению японского руководства все корейцы должны быть их данниками...

- Хм... - задумался Михаил, - а что про это думают сами корейцы?

- Сложный вопрос, - задумался на секунду адмирал, - мы у них особенно не спрашивали об этом, но, насколько мне известно, отношения у них с японцами, мягко говоря, не очень теплые. Примерно как у русских с поляками – это наиболее точная аналогия.

- Дааа... - призадумался Михаил, - с поляками мы развязались четыре года назад, слава богу. Больше нам таких экспериментов внутри одной страны не надо... а японцы, выходит, решили объединить две страны в одну, невзирая на последствия...

- Выходит, что решили, - вздохнул Руднев, - так вот, про эскадру Уриу – в нее входит, насколько нам известно, шесть крейсеров и восемь миноносцев... все, кроме трех-четырех единиц, новейшие образцы, построенные в Англии и в Штатах.

- То есть ваш Варяг и Кореец противостоять им вряд ли смогут, я правильно понял ваш посыл? – ответил Михаил, а официант тем временем принес суп чичгэ и бутылку рисовой водки, которую никто вообще-то не заказывал.

- В целом верно, - кивнул Руднев, - но есть небольшие детали...

- Рассказывайте, - Михаил разлил водку по рюмкам и пригубил налитое, - русские напитки все же лучше...

- Согласен, к местным обычаям надо привыкнуть... так вот, про особенности – бухта Чемульпо вытянута внутрь суши, вход в нее весьма и весьма непростой. Поэтому сюда эскадра Урии или кто там вместо него будет, вряд ли сунется, им надо будет выманить нас на открытую воду.

- И что дальше? – Михаил уже съел половину супа чичгэ, не вызвавшего у него никакого отторжения.

- А дальше одно из двух – либо японцы высадят десант на ближайших сопках, который вынудит нас уйти из бухты, либо они будут ходить вокруг и около до морковкина заговения, я так считаю...

- Я, кстати, интересовался этимологией этого выражения, - улыбнулся Михаил, - про морковкино заговение. Знаете, что оно означает?

- Расскажите.

- Заговение это последний день перед постом, когда можно есть скоромную пищу, - пояснил Михаил, - то есть все, что угодно, кроме морковки, которая скоромной никак не является. Поэтому морковкино заговение означает буквально день, который никогда не наступит...

- Понятно, - ответно улыбнулся Руднев, - так что вы, ваше высочество, скажете насчет японской стратегии?

- Скажу, что хотел бы посмотреть на окрестности этой вашей бухты Чемульпо – покажете? – попросил Михаил.

- Конечно. Ваше высочество, - не смог отказать ему адмирал, - давайте допьем водку и поедем...

Через полчаса Руднев в деталях обрисовал обстановку вокруг бухты Чемульпо, провезя высокого гостя вдоль заливов и сопок.

- К северу от нас находится остров Тэмуйдо и небольшая протока между ним и берегом, - показывал он, широко размахивая руками, - а на юге тоже остров Юнгнеунг, и возле него тоже есть места для стоянки. Если вы, ваше высочество, имеете в виду места, удобные для высадки десанта, то и на севере, и на юге в принципе это возможно...

- Вообще-то я больше хотел посмотреть, где будут располагаться корабли японской эскадры... глубины тут достаточные везде или есть мелкие места?

- Банки есть, ваше высочество, - продолжил свои объяснения адмирал, - но они же все обозначены на картах, так что вряд ли нам это поможет в случае чего...

- Ясно, адмирал, - сказал в итоге всех этих изысканий Михаил, - значит, сделаем вот как...

И далее он в течение десяти примерно минут объяснил в красках, что и как нужно осуществить, если японцы вдруг нарушат свой нейтралитет. Руднев выслушал все это с каменным лицом и подтвердил потом, что все уяснил и принял к сведению. А далее потянулись дни томительного ожидания – инструкции от императора гласили, что первыми начинать боевые действия нельзя ни в коем случае, дабы не предстать агрессорами перед мировым общественным мнением. Стало быть, оставалось одно, ждать, хуже чего, по мнению русской народной мудрости, может быть только догонять...

Михаил исправно сообщал все новости в столицу империи по телеграфу, в остальное же время пытался вникнуть в суть корейской ментальности, объезжая окрестности Чемульпо и общаясь по мере возможности с местными аборигенами. А на четвертый день ожидания на местный аэродром взял и прибыл лично государь-император Георгий I. Вместе с единоутробным братом Николаем. Михаил получил телеграмму об этом и в последний момент успел прибыть к месту посадки.

- Неожиданно, брат, - честно признался он, пожимая руки братьям, - никак не ожидал. Что-то случилось?

- По последним сведениям из очень информированных источников, - Георгий показал пальцем в небо, - война должна начаться завтра, в крайнем случае послезавтра. Так что мы с Николаем решили прибыть на передний, так сказать, край и посмотреть все вживую.

- Не знаю про твои источники, - пожевал губами Михаил, - а у нас тут все тихо и спокойно.

- Ну тогда хотя бы ознакомимся с местной экзотикой, - вставил свои пять копеек Николай, - говорят, корейские женщины очень красивые и страстные.

- Я бы этого не сказал, - горько усмехнулся Михаил, - но ты, конечно, можешь все проверить на практике... поехали.

ваиа

Затишье перед бурей

А вечером все три брата заседали в кают-компании крейсера Варяг и общались по текущим проблемам. Компанию в этой кают-компании им составили командиры наших кораблей Руднев, а также начальник Корейца капитан 2 ранга Беляев Григорий Павлович. Он в основном служил на Балтике, но пару лет назад получил назначение на Тихий океан, где и принял под командование эту никому в общем не нужную канонерскую лодку.

- Сегодня мы пьем ямайский ром, господа, - сказал в начале заседания Георгий, - та же самая русская самогонка, но выгнанная из сахарного тростника... возражений нет?

Он обвел взглядом собравшихся, возражений в их глазах не увидел, тогда продолжил.

- Обстановка у нас напряженная, неприятель вот-вот должен перейти в открытую атаку, а мы обязаны строго соблюдать наши международные обязательства в соответствии с... ну

понятно, в связи с чем, - и он проглотил добрых сто грамм рома из пузатой бутылки с логотипом ухмыляющегося пирата. – Какие будут мысли и предложения по этому поводу – я все их выслушаю очень внимательно.

- Бухта Чемульпо, государь, - так начал свой ответ Руднев, - очень узкая в горле и широкая возле берега, поэтому я думаю, что сюда японцы вряд ли сунутся, это будет сплошное самоубийство для них...

- У них же в Японии очень популярен обычай сеппуко, - вспомнил школьный курс Михаил, - ритуальное самоубийство путем вспарывания себе живота – я не ошибаюсь?

- Не ошибаешься, брат, - кивнул ему Георгий, - однако, здесь этот обычай неприменим, насколько я в курсе японских традиций – сеппуко же делают только, если самураем совершил что-то недопустимое и потерял лицо, а у нас в Чемульпо пока никто из них лица не терял... поэтому продолжайте, Всеволод Федорович, - кивнул он Рудневу.

- Повторю, японцы в нашу бухту вряд ли сунутся, поэтому вариантов развития событий я вижу ровно две штуки... первый – десант на ближайшие сопки с последующей попыткой захватить порт, а второй...

- Попытаться как-то выманить два наших корабля на открытое пространство и там уже разобраться с ними в неравном бою, - закончил за него Георгий, - верно?

- Абсолютно правильно, государь, - склонил голову набок Руднев, одновременно допив остатки рома в своем бокале.

- Так вот что я хочу сказать вам, судари вы мои, - продолжил Георгий, - десант необходимо будет как-то пресечь... самый простой способ для этого – патрулирование наиболее вероятных точек высадки.

- У нас недостаточно сил для этого, государь, - напомнил Руднев.

- Это учтено, адмирал, - усмехнулся Георгий, - буквально завтра сюда подойдут два крейсера и два транспорта из Владивостока – они и займутся патрулированием. А что же касается выманивания наших кораблей их бухты, то тут, думаю, надо пойти навстречу пожеланиям японцев.

- Поясните, государь, - вступил в диалог молчавший до этого капитан Корейца, - мы должны совершить ритуальное самоубийство вместо японцев?

- Не совсем так, Григорий Павлович, - покачал головой Георгий, - это будет простая уловка для выстраивания японской эскадры в одну линию. Смотрите сами, - он подошел к карте побережья, висевшей тут на одной стене, - вы вместе с господином Рудневым выходите из горла бухты Чемульпо и встаете на якоря примерно здесь, - он показал пальцем, где именно.

- И зачем нам это делать, ваше величество? – заинтересованно спросил Руднев, - чтобы подставиться под удары главного калибра Асама и Чиодо?

- Расстояние до них будет слишком большим, чтобы снаряды долетели, - пояснил Георгий, - поэтому Асама, Чиодо и всё остальное, что там у них есть, начнет маневрирование с целью сблизиться, верно?

- Да, государь, - кивнул Беляев, - это наиболее вероятная тактика в таких случаях.

- Вот-вот, - продолжил Георгий, - и в этот момент вступит в бой наша главная ударная сила – самолеты-торпедоносцы...

- Поясните, государь, - попросил Руднев, - торпеды же сейчас применяются с кораблей, а насчет их воздушного базирования я только слышал неопределенные слухи.

- Нашим инженерам с заводов Мамонтова удалось решить эту задачу, - пояснил Георгий, - на крупные самолеты грузоподъемностью в пять тонн и больше, им удалось разместить одну торпеду снизу. Противовоздушной обороны пока еще никто не придумал в нашем мире, поэтому я думаю, что атака пройдет без особенных препятствий... тут главное лечь на нужный курс и вовремя сбросить торпеду в воду, не далее, чем за полмили от цели. А дальше все должно пройти по плану.

- Брат, - подал голос Николай, - а зачем в таком случае нужны маневры Варяга и Корейца, я не совсем понял? Можно же сбросить торпеды в любом месте Желтого моря... и в любое время.

- Не совсем так, брат, - возразил ему Георгий, - во-первых, тут важно, чтобы японцы первыми нарушили мир – для дальнейших разбирательств в той же Лиге наций...

- А во-вторых что? – поддержал беседу Михаил.

- А во-вторых, мой разлюбленный брат, то, что диапазон действий наших торпедоносцев с полным грузом на борту не так велик, чтобы гоняться за японцами по всему Мировому океану... а вот когда они сгрудятся неподалеку от Чемульпо, тут-то и настанет час X, как говорят в германском генштабе.

- То есть ты хочешь сказать, - ответил ему Михаил, - что у нас сейчас имеется некое супероружие, с помощью которого мы сможем диктовать свои условия всему остальному мировому сообществу, так?

- Насчет всего мирового сообщества не скажу, - усмехнулся Георгий, - но в этом конкретном случае надеюсь, что да – мы сможем диктовать свои условия японцам.

- Сколько стоит броненосец, напомни, - попросил Николай.

- Много, брат, - задумался Георгий, - у меня есть данные в английских фунтах – устроит?

- Конечно, брат, озвучь эту стоимость.

- Более старые броненосцы постройки первой половины девяностых типа Сисой илти Севастополь стоили порядка трехсот-четырехсот тысяч фунтов...

- Если перевести в рубли, это будет 3-4 миллиона, - задумчиво перевел курс Михаил.

- Верно, брат, - кивнул Георгий, - примерно столько. Но новейшие образцы военно-морской техники стоят вдвое, если не втрое дороже – миллион-полтора фунтов. Увеличенная броня, орудия калибром 200 мм и более, двигатели повышенной мощности – все это требует дополнительных расходов. А с чем связан твой вопрос, брат?

- Все просто, брат, - Николай допил свой бокал с ромом и продолжил, - думаю, что стоимость торпеды много ниже, чем у японского броненосца... даже если приплюсовать цену Добрыни, все равно в разы меньше будет.

- Абсолютно верно, Николай, - помолчав секунду, ответил Георгий, - стоимость торпеды, используемой в подвеске Добрыни, даже до ста тысяч фунтов не дотягивает. Вместе с самолетом будет триста тысяч - все равно много меньше, чем затратили японцы на покупку Асамы, не говоря уже про Чиоду и прочие Нинивы. Поэтому меч у нас в этом конкретном отрезке времени будет гораздо эффективнее щита...

- Да-да, я слышал про эту теорию противостояния щита и меча, - подал голос Руднев, - они по очереди выходят на первый план, иногда вырывается вперед щит, иногда меч, но в среднем они всегда уравнивают друг друга.

- Правильно, Всеволод Федорович, - поддержал его выступление Георгий, - именно сейчас наш меч немного опережает щит неприятеля, поэтому могу с большой долей уверенности утверждать, что вы доживете до конца этого месяца, а Варяг с Корейцем не закончат свой жизненный путь на дне Желтого моря, а спокойно дождутся списания через пару десятков лет.

- Вы меня пугаете, ваше величество, - отвечал с каменным лицом Руднев, - откуда такие познания будущего?

- Позвольте мне не отвечать на ваш вопрос, - спокойно парировал этот ответ Георгий, - просто примите, как данность...

- Тогда уж расскажи, брат, что нас всех ждет в будущем, - подмигнул ему Михаил, - нам тоже интересно.

- Как-нибудь в другой раз, - вздохнул Георгий, - а пока давайте готовиться к предстоящим событиям, - он снова подошел к большой карте побережья и продолжил, - значит, мы ждем формального объявления войны от Японии, это раз. Как только оно поступит, Варяг с

Корейцем запускают двигатели и выходят вот сюда, - он очертил примерный квадрат к югу от острова Тамуйдо.

- Японцы могут подстергать нас, не доходя до этого района, - напомнил командир Корейца Беляев, - там достаточно много удобных протоков и шхер для засады.

- Логично, - кивнул Георгий, - для контроля возможных мест засады надо выслать разведку, этим займешься ты, - указал он на Николая. – Такие неожиданности нам совершенно ни к чему. Но двинемся далее... когда ваши корабли займут свои места в данном квадрате, к ним должны будут начать движение основные силы эскадры Уриу... я думаю, это займет от трех до шести часов времени.

- Огонь открывать надо? – спросил Руднев.

- По обстановке, - кратко ответил ему Георгий, - но думаю, что до этого не дойдет... потому что подлетное время до этого района от аэродрома Сеула всего полчаса... значит, вы, господа, выступите в роли приманки в загоне крупного зверя.

- Не слишком почетная роль, - поперхнулся Руднев, - но ради отчизны мы готовы потерпеть... а если торпедная атака пройдет не по плану, тогда что? – уточнил он этот момент.

- Да, Всеволод Федрович, - Георгий глубоко вздохнул и вернулся за стол, где его ждал полный бокал ямайского рома, - такой вариант развития событий тоже надо учитывать. Если что-то пойдет не так и флагманы эскадры Уриу останутся в работе, вам надлежит самым скорым ходом вернуться на свои стоянки в порту, вот и все... но лично я рассматриваю вероятность такого неблагоприятного исхода всего-навсего в 10-20 процентов.

- А если атака выйдет успешной, тогда что? – это уже спросил Беляев.

- Тогда вы выдвигаетесь к местам затопления японских кораблей и собираете на борт тонущих японских матросов... они же тоже люди, пусть поживут у нас в плену. А далее по той же схеме – возвращаетесь к причальной стенке в Чемульпо и ремонтируете ходовую часть и вооружение... ну, это если надобность в этом возникнет.

од

Между тучами и морем гордо реет буревестник

И потянулись дни томительного ожидания, ни завтра, ни послезавтра ничего от японцев не пришло... а во время ожидания экипажи двух российских кораблей и четырех бомбардировщиков проводили ежедневные тренировки, отрабатывая до автоматизма необходимые действия в случае непредвиденных обстоятельств. Георгий со своими братьями от нечего делать знакомился с культурой и обычаями места пребывания.

Особенное внимание братьев привлекли упражнения мастеров боевых искусств Кореи – тхэквондо и хапкидо, Михаил даже попросил организовать для себя небольшой вводный курс в хапкидо, что и было сделано в кратчайшие сроки. А через два дня на транспорте из Владивостока прибыли двое известных людей из России – живописец Василий Верещагин и литератор Максим Горький. Их привлекла дальневосточная экзотика и возможное начало боевых действий. Георгий пригласил обоих на ужин в гостиничном ресторане – все же не каждый день в этом захолустье происходит что-то новое.

- Рад познакомиться с вами, - пожал Георгий руки им обоим, - отец, насколько я знаю, встречался с вами несколько раз, а я пока что нет...

- Мы счастливы видеть вас в добром здравии, - ответил за обоих более разговорчивый Горький. – Как поживаете на корейской земле, ваше величество?

- Спасибо, неплохо, - не стал распространяться на эту тему император, - давайте лучше поговорим о ваших планах... у вас же есть какие-то планы на будущее?

- Конечно, ваше величество, - вступил у разговор Горький, сильно налегая на буквы О, - в первую очередь хотелось бы узнать немного больше о Корее и Японии... ну а во вторую

очередь, конечно, что-нибудь написать о военных действиях, они же ведь тут скоро начнутся, если я что-то понимаю в этой жизни?

- Ну да, Алексей Максимович, - Георгий прочитал перед встречей краткую справку об обоих собеседниках, поэтому имена и отчества их называл безошибочно, - вы понимаете в жизни достаточно много. Но вот относительно боевых действий я пока не могу ничего сказать ни в утвердительном, ни в отрицательном смысле – все, как говорится, в руках божьих.

- Хорошо, - не стал спорить Горький, - тогда поговорим об искусстве, если вы не возражаете.

- Конечно, не возражаем, ваше величество, - оживился Верещагин, услышав знакомое слово, - если не секрет, вы знакомы с моим творчеством?

- Помилуйте, Василий Васильевич, - усмехнулся Георгий, - да кто же в России вас не знает? Апофеоз войны, Смертельно раненый и это... где отрубленная голова – это, по-моему, на первых местах среди изобразительного искусства в России. Скажите, а вы сами видели эти отрубленные головы или по рассказам очевидцев написали?

- Сам видел всего один раз, в Бухаре, - смущенно признался художник, - там они висели на ограде Ляби-Хауз, это площадь такая в центре, а на ней два медресе и ханаку...

- Ханаку? – не понял император.

- Это что-то вроде русских часовен, - пояснил Верещагин, - на местном наречии – суфийская обитель. И как раз на ограде этой вот обители и висели штук пять голов... русских, кстати, только две было, остальные азиатские.

- Понятно... - задумался Георгий, - вы много раз бывали в этой Средней Азии, может, расскажете, зачем она вообще нужна России, эта Бухара вместе с Самаркандом?

- Могу сделать предположение, - скромно ответил Верещагин, - наверно потому, что если мы не утвердим там свою власть, придут те же англичане, отчего легче нам точно не станет. Свято место, как говорится в русской поговорке, пусто не бывает...

- Это верно, господин Верещагин, - улыбнулся Георгий, - а еще есть такая научная максима – природа не терпит пустоты... ее обязательно кто-то займет, эту пустоту. Ну а вообще что вы можете рассказать про эту Бухару?

- Бухара это древний город... очень древний – недавние раскопки археологов обнаружили там культурный слой в 20 метров. Для справки, в самом древнем городе Руси Новгороде этот слой не превышает 8-9 метров. Ее в свое время захватывал Александр Македонский, а потом кто только не захватывал – от арабов и до монголов. Пик могущества Бухары это правление Тимура, он же Тамерлан...

- Да-да, - поддержал разговор Горький, по-прежнему сильно налегая на букву О, - про Тамерлана мне рассказывали в церковно-приходской школе. Там еще была такая история, как он пошел на Русь, но в последний момент взял и повернул назад...

- Правильно, было такое, - подтвердил Георгий, - в конце 14 века... на Руси сложилось мнение, что этот поход предотвратила икона Владимирской Божьей матери, но что там на самом деле случилось – тайна, покрытая мраком. Но мы отклонились от темы, про Бухару... вот вы, как просвещенный человек, Василий Васильевич, погруженный в таинства искусства, можете посоветовать, что нам делать с этой Бухарой? Да и вообще со всеми азиатскими территориями?

- Вы задаете сложный вопрос, ваше величество, - смутился Верещагин, - но хорошо, попробую что-нибудь посоветовать. Ничего особенного с Бухарой делать не надо – пусть все идет так, как идет, в конце концов должно получиться что-то адекватное, ваше величество...

- Я вас услышал, Василий Васильевич, - после небольшой паузы отвечал ему Георгий, - давайте теперь поговорим о литературе, верно, Алексей Максимович? – посмотрел он на Горького.

- Не откажусь, ваше величество, - смело ринулся на амбразуру тот, - про литературу я готов говорить 24 часа в сутки. Нескромный вопрос - мои произведения вы читали какие-то?

- Ну кто из русских людей их не читал, - ответил Георгий, - Песни о соколе и буревестнике вся думающая интеллигенция знает, я так полагаю.

- Не скрою, мне очень лестно ваше мнение, - улыбнулся Горький, - но это уже дела давно минувших дней, так сказать, как и Макар Чудра, с тех я много чего нового написал...

- Нет-нет, Алексей Максимович, - твердо возразил ему Георгий, - давайте про соколов...

- Не возражаю, - поднял перчатку Максим, - давайте о них – что вас интересует?

- Меня интересуют идеи, так сказать, ваших песен, Алексей Максимович, - продолжил Георгий, - а что касается художественной составляющей, там все в порядке... такие притчи и таким языком, по-моему, в мире пока еще никто не писал... если не считать апостолов Матфея, Луки и Иоанна.

- Ей-богу, вы меня смущаете, ваше величество, - скромно потупил глаза Горький.

- Можете называть меня по имени-отчеству, - разрешил тот.

- Хорошо, буду по имени-отчеству... так что там насчет идей, Георгий Александрович?

- Давайте возьмем для определенности одну песню, про буревестника, - начал объяснять император, - смотрите сами – у вас же там проводится прямое противопоставление смелого буревестника, реющего между тучами и небом, и глупого пингвина, который прячется от разгула стихий в утесах, верно?

- Все так, Георгий Александрович, - кивнул Горький.

- И в итоге получается такой посыл – пусть сильнее грянет буря, которая поднимет в небеса буревестника и опустит в преисподнюю пингвина, правильно?

- Не совсем так уж в лоб, - ответил писатель, - но в принципе правильно...

- Давайте пойдем чуть дальше, - усмехнулся Георгий, - если вы не возражаете...

- Какие уж тут возражения, - Горький тем временем разлил остатки рисовой водки по бокалам и выпил свой без тостов, - давайте пройдем далее.

- Смотрите сами, Алексей Максимович, - царь тоже выпил свою рюмку, закусил корейской морковкой и выложил свои умозаключения, - во-первых, птицы семейства буревестников обитают в основном в Южном полушарии... когда я воевал в Трансваале, видел их в немалом количестве.

- Это слабый аргумент против, - поморщился Горький, - в литературе есть такой прием, как метафора и есть аллегории.

- Согласен, - усмехнулся Георгий, - но я еще не закончил... во-вторых – хорошо, допустим, этому вашему буревестнику нравятся штормы и ураганы, хотя хорошего в них немного, но ненастная же погода когда-нибудь, да успокаивается? И что будет делать буревестник в штить, допустим?

- Он будет заниматься другими своими делами, - угрюмо отвечал Горький.

- Правильно, - поддержал его Георгий, - и ждать новой бури... он же буревестник, даже имя обязывает, так?

- Наверно так, - писатель нервно покрутил в руках рюмку и крикнул официанту, чтобы он принес еще одну бутылку водки, - в природе все устроено более логично, чем в человеческом обществе – есть время разбрасывать камни, а есть время и собирать их.

- Трудно с этим не согласиться, - продолжил Георгий, - знаете что, давайте отбросим в сторону ваши метафоры и аллегории и поговорим прямо, как два русских человека.

- Конечно-конечно, - подал голос молчавший до этого Верещагин, - давайте уже уйдем от ваших теорий, Алексей Максимович, в сторону практики.

- Смотрите сами, - закончил свою мысль император, - буревестники это же у вас революционеры, верно? Борющиеся с самодержавием, что уж тут скрывать...

- Допустим, - хитро улыбнулся Горький, - но заметьте, что это сказали вы, а не я.

- Да, это я сказал, - ответно улыбнулся Георгий, – я что, собственно, хотел бы донести до вашего сведения - революция это, конечно, красивый фейерверк и, как говорят умные люди, миллион новых вакансий для тех, кто подсуетится вовремя, но с другой-то стороны это слом работающей худо-бедно государственной машины и собирание из обломков чего-то нового. И тот же миллион жертв вдобавок – вспомните, что было в Англии в 17 веке и во Франции в 18-м...

Он замолчал на несколько секунд, сделав перерыв на очередную рюмку.

- Все же русская водка лучше, чем эти восточные, - сделал он такую ремарку перед тем, как закончить, - так, о чем я там... да, про революции – на мой скромный взгляд эволюция много лучше и эффективнее любой революции, разговаривать и договариваться о взаимных уступках – это совсем не стрелять друг в друга из стволов разного калибра. Поэтому, заканчивая разговор о буревестниках и пингвинах, хочу сказать простую вещь – ломать не строить... а бури от нас никуда не денутся, надо просто принимать их как неизбежное зло и по окончании восстанавливать разрушенное.

Но это все же не был конец разговора – напоследок царь выдал Верещагину неожиданную фразу:

- Василий Васильевич, а вас я настоятельно попрошу не вступать на борт никакого боевого корабля в течение... ну, допустим, в течение этого года... ваш талант еще нужен стране.

оь

Боевая тревога, торпедная атака

Тревожное ожидание закончилось на следующий день, когда японский крейсер Чиода, стоявший в порту Чемульпо битый месяц бок о бок с Варягом, внезапно поднял якоря и на всех парах покинул место своей стоянки в неизвестном направлении. Все телеграфные станции Кореи вообще-то были под контролем японской стороны, они и получили предписание задерживать телеграммы российским представителям минимум на сутки, однако Георгий предвидел такую ситуацию, поэтому связь с Владивостоком у него была налажена через радиоканал – устройство инженера Попова уже обеспечивало устойчивую связь на расстояние не меньше тысячи километров.

8 февраля Руднев имел беседу с Бейли, командиром английского крейсера Талбот, в ходе которой выяснилось, что японские власти рассматривают все корабли, находящиеся в гавани Чемульпо, как нейтральные. Кроме русских. А на следующий день командир Чиоды Мураками уже лично передал на все иностранные суда послание об объявлении войны России.

Георгий с двумя братьями провел эти два дня почти что целиком на местном телеграфе, где по соседству с обычным телеграфным аппаратом была развернута радиостанция инженера Попова. Поэтому мировые и российские новости они узнавали много раньше остальных.

- Ну что, братья, - Георгий снял наушники и обернулся, - вот и пробил час X... наш отец по праву назывался в народе Миротворцем, потому что войн в течение его правления не было... испано-американскую и бурскую за войны не считаем, они были далеко и участвовали мы там малыми силами. Но время идет, времена меняются – и сейчас придется мне отказаться от такого почетного прозвища... потому что подставлять левую щеку после того, как тебя ударили по правой, это не в русских традициях.

- Все верно, брат, - отозвался Михаил, - надо показать японцам, кто здесь главный...

Тут в помещение телеграфа буквально вбежал Руднев с экстренным сообщением.

- Господа, японцы начали высадку десанта!

- Какими силами, в каком месте? – задал сразу два вопроса Георгий.

- Вот здесь, - Руднев развернул на столе карту побережья и показал пальцем на бухточку на юге от Чемульпо, - сюда впадает одноименная река, расстояние до наших кораблей оттуда

примерно тридцать километров. Да, численность высадившихся войск оценивается нами примерно в две тысячи штыков.

- Надо поставить заградительные отряды здесь и здесь, - Георгий показал на карте нужные места, - а вы вместе с Беляевым выходите в море и попытайтесь спровоцировать Уриу на боевые действия... ближе одной мили не подходите к японцам, слишком велик будет риск поймать торпеду.

- Слушаюсь, ваше величество, - козырнул Руднев, - разрешите выполнять?

- Разрешаю, - махнул тот ему рукой, - а мы сейчас едем на аэродром...

И на этой звенящей ноте адмирал Руднев отбыл на вверенный ему крейсер исполнять задумки верховного главнокомандующего, а сам верховный главнокомандующий сел в механическую повозку вместе со своими родственниками и поехал на местный аэродром, расположенный в сопках чуть восточнее города и порта.

Аэродромом его можно было назвать весьма условно... то, что знают люди из 21 века – терминалы с пограничной и таможенной службами, тут отсутствовали как класс. Даже и здание-то аэропорта в Чемульпо чем-то напоминало обычный сарай, средних размеров помещение из грубо сколоченных досок-сороковок. На крыше, правда, у него имелось что-то, смутно напоминающее службу аэронавигационного обеспечения из будущего. Будка с круговым обзором, если коротко – там сидел прототип нынешнего авиадиспетчера, который через рупор подавал сигналы остальным обеспечивающим службам.

Авто с венценосной семьей зарулило напрямиком к стоящим справа от сарая четверем Добрыням, первенцам российской авиационной отрасли.

- Здравия желаю, ваше величество, - отдал честь авиатор Уточкин, узрев Георгия. – Как здоровье?

- Здоровье в порядке, - на автомате вылетело из него, - а для вас есть настоящее дело – готовы к нему? – строго посмотрел на Уточкина император.

- Всегда готовы, - на том же автомате вылетело из пилота, - что надо делать, излагайте...

- Излагаю, - Георгий вышел из машины и начал свою речь, - японцы официально объявили нам войну, только что. Но первыми начинать боевые действия все же не надо, мало ли как придется потом объяснять это. Поэтому приказываю разогреть моторы и стартовать в направлении японской эскадры, но торпеды не сбрасывать вплоть до особой команды...

- И как мы получим эту команду, ваше величество? - задал вопрос пилот истребителя, удивительно похожего на АН-2 из будущего времени.

- По радио, что непонятного? – сдвинул брови Георгий. – По этому сигналу все Добрыни по очереди сбрасывают торпеды в направлении эскадры Уриу. Первая цель – флагман Асама, в нее надо положить не меньше двух торпед. Все остальное на усмотрение летчиков... вопросы есть?

Вопросов ни у кого не оказалось, поэтому пилоты разбрелись к своим машинам разогревать моторы, а Михаил спросил у брата:

- Можно мне вылететь на это задание?

- Зачем? – не понял Георгий.

- Ну вот у тебя уже есть боевой опыт в двух войнах, на Кубе и в Трансваале, а у меня ни одного...

- Понял, - усмехнулся Георгий, - разрешаю – полетишь с Уточкинским, сейчас обо всем договоримся...

- А я? – тут же раздалось со стороны Николая, - я тоже хочу на войну.

- Давай, брат, не будем класть все яйца в одну корзину, - серьезно ответил ему Георгий, - на твой век войн еще хватит... так что мы с тобой остаемся внизу координировать боевые действия наших войск – понятно?

- Куда уж понятнее, - горько усмехнулся Николай, наблюдая, как на Михаила надевают парашют, а потом он по лесенке забирается на место второго пилота в Добрыню.

Георгий еще подозвал к себе Уточкина и дал ему краткий инструктаж, на что тот дважды кивнул головой и также занял свое место в Добрыне с номером 01 на борту.

- Борт номер один, - на автомате сработало воспоминание у императора, - надо будет запомнить на будущее. Ну с богом, ребятки, - перекрестил он сразу оптом всю эскадрилью, а потом задумался на пару секунд и быстрым шагом добрался до единственного истребителя, представленного здесь.

- Я тоже лечу с ними, - сообщил он Николаю, вернувшись назад, и тут же пресек все возможные возражения от брата, - ты остаешься тут за главного, координируй наши усилия. Взамен я тебе клятвенно обещаю – следующий выход на боевое дежурство будет твоим.

И он забрался на заднее место истребителя Алеша, а потом махнул всем остальным оттуда, а потом задвинул стекло обтекателя сверху. Самолеты дружно перестроились и взлетели один за другим без малейших затруднений, а Николай вытер пот со лба и скомандовал шоферу ехать обратно на телеграф. Все летающие средства были оборудованы радиостанциями, которые по умолчанию были настроены именно на телеграф города Чемульпо.

А внизу под истребителем Алеша тем временем простирались ровные прямоугольники обрабатываемой земли в этой корейской провинции. Облачность была небольшой, обзор замечательным, где-то впереди засинелись воды залива Чемульпо, а совсем вдаль уже желтелось Желтое море, простирающееся от берегов Кореи и до Аньшаня-Цзиньжоу на севере и Циндао-Шаньдуна на западе. Где-то посередине его еще имелся Ляодунский выступ с Порт-Михилом и Далянем.

- Вижу японскую эскадру, - сообщил в переговорное устройство первый пилот истребителя, - восемь кораблей в линию.

Георгий приложил бинокль к глазам, обозрел обстановку и ответил:

- Правильно, это они и есть... с Асамой во главе. А где наш Варяг?

- Пока не наблюдаю... - такой был ответ, а чуть позже пилот добавил, - Чемульпо сообщает, что Варяг покинул место стоянки десять минут назад.

- Значит, ждем развития ситуации, - ответил Георгий, после чего истребитель заложил крутой вираж, облетев эскадру адмирала Уриу с западной стороны.

Потянулись томительные минуты ожидания, во время которых все пять самолетов российской стороны поступательно совершали круг за кругом над японскими кораблями. Через полчаса пилот истребителя сообщил Георгию:

- Варяг и Кореец вышли из горловины бухты.

- Вижу, - отзеркалил император, - расстояние до Асамы у них примерно пять километров или три морские мили, как говорят на флоте... а это еще что за птица? – указал он на большой корабль, на всех парах подходящий к эскадре Уриу.

- Не могу знать точно, ваше величество, - отозвался пилот, - но могу предположить, что это носитель самолетов... авианосец, как было написано в обозрении японской военной программы.

- Они же его только что оплатили американцам, - припомнил этот момент Георгий, - как-то очень быстро он добрался сюда... а вот и самолет с него взлетает – ты оказался прав, капитан, это авианосец.

С длинной палубы этого корабля достаточно неуклюже стартовал практически такой же истребитель, в котором сидел Георгий. Он нырнул вниз после покидания стартовой дорожки, но выровнялся и уверенно начал набирать высоту, приближаясь к русской эскадрилье.

- Наши действия, Георгий Александрович, - прокричал пилот, - он ведь будет на прицельной дальности через полминуты.

- Начинаем атаку, - быстро созрело решение у императора Всея Руси, - передай на Добрыни, чтобы начинали сброс торпед, а мы идем в лобовую на этого красавца. Пулемет работает?

- Так точно, сегодня утром сам проверял, - ответил тот.

- Тогда делай круг и разворачивайся перед ним, за сотню метров примерно, а я возьму его не мушку.

- Что делать Варягу и Корейцу? – переспросил пилот.

- Пусть стоят на месте, - ответил Георгий, а тем временем его самолет смело пошел навстречу неприятелю.

- Еще один взлет, - прокричал в трубу пилот, показав рукой в этом направлении.

И Георгий тут же увидел, как второй биплан тяжело плюхнулся с палубы корабля, едва не зачерпнув колесами воду Желтого моря, но сумел выровняться и уверенно вышел на траекторию полета в направлении наших бомбардировщиков.

- Передай нашим ребятам, - прокричал со своего сиденья император, - чтобы быстрее отстрелялись и ложились на обратный курс. А мы пока с этим разберемся.

Алеша быстро набрал высоту, чуть превышая японца, сделал над ним круг и уверенно пристроился в голове процессии. А Георгий расчехлил пулемет, самый обычный Максим, только без колес, и прицелился в нужную сторону.

- Чуть ниже, - скомандовал он пилоту, и тот послушно выполнил сказанное, Алеша опустился на полсотни метров, оказавшись прямо перед японским истребителем.

Тут Георгий и открыл огонь, выпустив половину длинной патронной ленты.

- Горит, сволочь! – крикнул он, прекратив стрельбу, а потом добавил, - второй догоним?

- Вряд ли, - ответил пилот, - слишком далеко... в Асаму, кажется, хорошо попали... и одну Добрыню подбили, - добавил он, указав на дымящий русский бомбардировщик, а потом добавил, - горючего осталось на десять-пятнадцать минут.

Надеюсь, не ту Добрыню, подумал Георгий, на которой Михаил сидит. Но вслух он сказал другое.

- Уходим на базу... в хвосте остальных Добрынь... а Асама хорошо горит... да и Чиодо, кажется, досталось.

Последнее, что он успел увидеть на водах Желтого моря, был гигантский столб воды и дыма над Асамой. Пороховой склад взорвался, скорее всего, подумал он. Приземлились они все на том же аэродроме Чемульпо на последних каплях горючего, перед этим на взлетные полосы плюхнулись три Добрыни, одна не дотянула. Георгий выскочил из машины и побежал к ближайшему бомбардировщику... его надежды не оправдались – не долетела именно та машины, где наводчиком был брат Михаил.

- Она села где-то в севернее города, - отрапортовал один из пилотов, - посадка прошла удачно... Уточкин опытный летчик.

- Надо выслать в ту сторону наших людей, - приказал Георгий, - хотя стой, - остановил он автомобиль, готовый выдвинуться на поиски, - я сам поеду.

И кавалькада из двух автомобилей запрыгала по кочкам и ухабам корейской провинции Чемульпо в северном направлении. Дорога шла между полями, засеянными озимой соей – характерные фиолетовые цветки этого растения Григорий помнил еще по Южной Африке. Надо будет заняться растениеводством, на автомате подумал он, когда с войной разберемся – соя очень полезное растение.

Проехали две подряд корейские деревушки с одинаковыми покосившимися строениями, их тут, кажется, фанзами называют. И тут чуть впереди и справа над кронами деревьев показался черный дым.

- Нам туда, - хлопнул Георгий шофера по плечу, - и будем молиться, чтоб оба летчика остались в живых.

Добрыня стояла, уткнувшись носом в какой-то кустарник на краю лужайки, автомобили вплотную подъехать к ней не сумели, помешало болото, поэтому все приехавшие выпрыгнули из машин на другом краю лужайке и подбежали к самолету, с трудом вытаскивая сапоги из грязи. Михаил лежал на траве, зажимая рукой правое плечо, пилот стоял рядом на коленях и пытался его перебинтовать.

- Живой? – это был первый вопрос императора.

Михаил, поморщившись, подтвердил – да, живой пока.

- Рана сквозная, - продолжил Георгий, осмотрев брата, - ничего страшного, до свадьбы заживет. Кладем его на заднее сиденье, - начал распоряжаться он, - и напрямиком в наш госпиталь. А тебе я орден Святого Георгия выпишу, - добавил он брату, - за геройское поведение и подбитый крейсер Асама.

- А что, мы его подбили? – из последних сил поинтересовался Михаил.

- Да, брат, у него сдетонировали пороховые склады, Асама теперь на дне морском. И Чиоду повредили капитально. Как же это вас так сбили-то? – перешел он на новую тему, когда автомобиль уже прыгал в обратном направлении.

- У японца скорость больше была, - начал оправдываться Михаил, - а у нас даже и пулемета не предусмотрено для обороны.

- Это правильно, - крикнул Георгий, - насчет защиты Добрынь мы недоработали – надо исправить в ближайшем будущем.

Михаила передали с рук на руки в полевой госпиталь русских, а Георгий выслушал еще доклад относительно высадившегося десанта японцев.

- Десант рассеян и остатки его сброшены в море, ваше величество, - доложил храбрый полковник, командир полка морской пехоты, - полевая артиллерия отличилась, после артподготовки все было уже несложным.

- Представляю тебя и командира артиллерии к наградам, - ответил Георгий, - кстати, не забыть бы и про летчиков, они тоже заслужили.

А в это время где-то в Европе

Здесь происходил интенсивный обмен мнениями между тремя ведущими европейскими державами по поводу начавшейся заварушки на Дальнем Востоке. Больше всего озабочена была Британия, она и инициировала телеграфные переговоры сначала с Германией, потом с Францией.

- Добрый вечер, герр Вильгельм, - отстучал на телеграфе текущий премьер-министр Британии Артур Бальфур (он получил этот пост по наследству от дяди маркиза Солсбери), - как поживаете, как здоровье?

- Все хорошо, - ответно телеграфировал ему германский император, - давайте уже общаться по существу.

- Хорошо, - немедленно среагировал Бальфур, - по существу, значит, по существу. Что вы думаете относительно начала боевых действий в Корее? Телеграфные агентства доносят самые противоречивые сведения об этом.

- Что я думаю об инциденте в Чемульпо – вы это хотели спросить? – отбил ответную телефонограмму Вильгельм.

- Все верно, герр Вильгельм, - тут же отвечал премьер, - мне кажется или на Дальнем Востоке начинаются очень серьезные дела?

- Вам не кажется, мистер Бальфур, - отзеркалил форму обращения немецкий лидер, - там действительно происходят некие тектонические сдвиги в общемировой политике. Россия заявляет свои права на новые территории, что вызывает определенное беспокойство у ведущих мировых держав. Не правда ли, мистер Бальфур?

- Не могу с вами не согласиться, - предельно корректно ответил англичанин, - надеюсь, что в этом вопросе наши ведущие мировые державы достигнуть некоторого взаимопонимания. Предлагаю встречу на высшем уровне в ближайшем будущем – место можете определить сами.

- А что тут думать, - последовал немедленный ответ из Берлина, - через два дня, если не ошибаюсь, открывается очередная сессия Лиги наций в Швейцарии – там и встретимся...

Бальфур быстро согласился, а вслед за этим немедленно вызвал на переговоры Эмиля Лубе, выигравшего последние выборы на пост французского президента. Который, собственно, не отличался какими-то выдающимися способностями, но мягкостью характера и способностью к компромиссам сумел вырвать первый пост страны у Жюля Мелина, который в свою очередь отличался радикализмом взглядов и даже был одним из активных участников той самой Парижской Коммуны... по итогам которой родилась песня про Интернационал.

- Доброго вам вечера, мсье Эмиль, - отлучал на телеграфе Артур, - есть мнение поговорить о текущей международной обстановке.

- Нет никаких возражений, мистер Бальфур, - откликнулся француз, - готов говорить хоть до утра.

- Что вы скажете о конфликте России и Японии? – тут же взял быка за рога премьер.

- Пока ничего определенного, мистер Бальфур, - отпечатал в ответ француз, - надо подождать развития ситуации.

- Предлагаю встретиться послезавтра на сессии Лиги наций в Женеве, - в ответ отбил телефонограмму Бальфур, - там и обсудим все подробности.

- Не имею никаких возражений, - ответил Эмиль, - тем более, что у нас от Парижа до Женевы регулярно ходит Восточный экспресс.

- Тогда до встречи послезавтра, - на этом их переписка завершилась, а премьер вызвал еще к себе министра обороны и начальника секретной службы и устроил маленькое совещание.

- Я собрал вас с тем, господа, - начал он, раскурив толстую гаванскую сигару, - чтобы обменяться мнениями относительно русско-японского конфликта.

- Мы слушаем вас, господин премьер-министр, со всем вниманием, - отозвался министр обороны.

- Я в основном хотел узнать ваше мнение по этому поводу, - прервал речь министра Артур, - скажите, что вы вообще думаете – кому помогать в этой войне и надо ли помогать вообще?

- Кхм, - напомнил о себе начальник разведки, - если вам интересно мое скромное мнение, могу сказать следующее... - он посмотрел на своих визави, не нашел на их лицах ничего против, поэтому продолжил, - Россия это наш экзистенциальный враг на протяжении последних пары сотен лет. Вспомнить хотя бы Крымскую войну или балканские вопросы... поэтому мое скромный взгляд на этот вопрос заключается в простой максиме – все, что плохо для России, хорошо для Британии... японцам надо помочь, короче говоря.

- А вы что думаете? – обратился Бальфур к министру обороны, пожилому и убеленному седыми висками адмиралу Бэкхему.

- Я целиком и полностью поддерживаю своего коллегу, - показал он глазами на соседа, - чем хуже дела обстоят для России, тем лучше для нашей страны. Поэтому самое лучшее, что мы можем сейчас сделать – это объявить свой нейтралитет, закрыть на этом основании Суэцкий канал и запретить все возможные русские закупки военного характера у нас, а также негласно поддерживать Японию.

- Олл райт, джентльмены, - загасил свою сигару премьер, - я вас услышал. Послезавтра в Женеве я встречаюсь с руководителями Германии и Франции и постараюсь убедить их придерживаться примерно той же линии поведения, что и у нас... а вы постарайтесь выяснить, как реагируют разные слои русского общественного мнения на этот конфликт – это нам может пригодиться.

Лига наций

Специально для нужд этой новой международной организации построили большое здание в парке Ариана – это было совсем недалеко от центра Женевы с железнодорожным вокзалом и фонтаном Же До, который бил на высоту в сто метров прямо из Женевского озера.

Дворец наций, как называли резиденцию этого заведения, был необъятным, но до конца все же недостроенным, поэтому заседания и совещания пока проходили в левом крыле, а правое стояло в лесах и пахло известкой и краской. От России для участия в очередной сессии Лиги наций прибыли министр иностранных дел Лобанов-Ростовский и председатель комитета министров граф Витте, от Японии аналогичный министр Комуро Дзютаро, выходец из семьи самураев с острова Кюсю.

Прочие же ведущие мировые державы прислали своих первых лиц – Бальфура от Британии, Лубе от Франции, Вильгельма от Германии, Франца-Иосифа от Австро-Венгрии и Теодор Рузвельт от Североамериканских штатов. В повестке дня было несколько вопросов, но главным, конечно, пунктом шел русско-японский конфликт на Дальнем Востоке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.